

С В Я Т Ы Й
ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОНЪ
ВОЛОМСКИЙ.

~~~~~  
СВЯЩ. І. ВЪРЮЖСКАГО.

~~~~~  
Издание третье.

~~~~~
(Изъ полного собранія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Во-
логодской епархіи)

Типографъ

Крпш 1356390

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОНЪ БОЯЖСКІЙ.

Преподобно-мученикъ Симонъ—новый чудотворецъ, просіявшій въ послѣднія лѣта и какъ бы пришедшій въ едионадесятый часъ на дѣланіе въ виноградъ Господень—поелику показать въ себѣ не меньшую любовь къ Богу, трудъ и терпеніе, какъ и древніе преподобные отцы и страстотерпцы мученики, то не меньшую ихъ воспріялъ и награду отъ праведнаго мздовоздателя Бога. Бывъ вѣренъ даже до смерти, онъ получилъ вѣнецъ живота (Апок. II, 10) и предстоитъ, нынѣ престолу Господню на небеси, изливаетъ на землѣ исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою его призывающимъ и поклоняющимся его гробу.

Избранникъ Божій Симонъ родился въ первое лѣто царствованія благочестиваго царя Θεодора 18 сентября 1586 года въ вотчинѣ волоколамскаго

Иосифова монастыря и въ св. крещеніи былъ названъ Симеономъ. Отецъ его Михаилъ—сдѣльный монастырскій крестьянинъ, по своей бѣдности, не могъ дать ему никакого образованія и воспитывалъ сына такъ, какъ и самъ былъ воспитанъ, пріучая отрока къ хозяйству, къ земледѣльческимъ трудамъ и приготовляя въ немъ себѣ помощника и кормильца на старость. Въ 1607 году, въ несчастное царствованіе Шуйскаго, наставшія тогда въ Россіи волненія и безпорядки, грабежи и убійства то отъ поляковъ и литовцевъ, то отъ своихъ измѣнниковъ, совершенно раззорили крестьянъ и обнищавшій отецъ Симеона, для спасенія своей жизни и пропитанія, вынужденъ былъ бѣжать въ другое мѣсто, а Симеонъ (которому было тогда уже около 20 лѣтъ), не успѣвши уйти вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ присталъ къ одному портному и сталъ учиться у него шить одежду. Научившись портному мастерству, Симеонъ вздумалъ уйти изъ столицы въ болѣе тихое и безопасное мѣсто, удаленное отъ военныхъ тревогъ; направившись къ сѣверу, онъ дошелъ до Устюга и остановился въ немъ на житье, снискивая себѣ пропитаніе своимъ ремесломъ. Какъ изъ самаго Устюга, такъ и изъ окрестныхъ селеній ежегодно весною донныя отправляются не мало богомольцевъ въ Соловецкій монастырь, прославленный подвигами пр. Зосимы

и Савватія. Наслышавшись въ Устюгѣ о чудесахъ преподобныхъ и о благоустройствѣ ихъ обители, Симеонъ пожелалъ и самъ побывать тамъ и поклониться ихъ гробамъ, поэтому, дождавшись весны, онъ вмѣстѣ съ другими отправился водою изъ Устюга къ берегамъ Бѣлаго моря. Молодому человѣку, не имѣвшему семейства и ничѣмъ не привязанному къ міру, понравилась тихая и спокойная жизнь на морскомъ островѣ; какъ мастеровой и способный къ трудамъ, радушно и ласково онъ принятъ былъ монахами и рѣшился остаться въ монастырѣ, чтобы потрудиться на пользу обители. Его опредѣлили на послушаніе въ швальню. Прибывши въ монастырь неграмотнымъ, онъ вскорѣ, подъ руководствомъ добрыхъ старцевъ, научился грамотѣ и церковному пѣнію и столько былъ усерденъ къ церковнымъ службамъ, что старался не опускать ни одной изъ нихъ ни утромъ, ни вечеромъ, исправляя въ точности и данную ему работу. Любилъ онъ бесѣдовать съ духовными старцами о спасеніи души, объ исполненіи иноческихъ обѣтовъ и то, что слышалъ отъ нихъ, или вычитывалъ изъ книгъ, старался исполнять на самомъ дѣлѣ. Старцы, видя, что молодой послушникъ по своему мастерству полезенъ для обители, а по характеру—способенъ къ жизни и подвигамъ иноческимъ, желали навсегда удержать его въ обители и съ этою цѣлію стали

ому хвалить монастырскую жизнь какъ самую спокойную и угодную Богу и указывать на бывшія тогда постройкі въ нашемъ отечествѣ, на опасности и искушенія мірской жизни. Слова старцевъ по остались безслѣдно: въ сердцѣ молодаго человѣка мало по малу возгорѣлось желаніе совершенно оставить міръ и постричься въ монашество, и чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе оно въ немъ усиливалось и возрастало. Однако Соловецкій монастырь по своему многочисленности, особенно же по множеству богомольцевъ — мужичиъ и женщинъ, приходившихъ сюда ежегодно, казался молодому подвижнику не совсѣмъ удобнымъ для иноческихъ подвиговъ, и потому, пробывъ въ немъ три года, онъ оставилъ его и отправился искать себѣ болѣе уединеннаго и безмолвнаго мѣста. Возвращаясь Двиною изъ Соловокъ, онъ услышалъ, что на рѣкѣ Пинегѣ, на Черной горѣ, находится монастырь пресвятыя Богородицы грузинскія — въ странѣ мало населенной и рѣдко посѣщается богомольцами, узнавъ также, что настоятель монастыря — игумень Макарій — старецъ весьма учительный и опытный въ жизни духовной и пожелавъ отправиться туда. Достигши пустынной обители, онъ просилъ игумена принять его въ монастырь и удостоить иноческаго постриженія. Напрасно Макарій указывалъ ему на его молодость,

на трудность иноческой жизни и на скудость своей обители — Симеонъ не хотѣлъ встать отъ его ногъ и со слезами продолжалъ просить постриженія, такъ что игумень, видя его усердіе, согласился наконецъ принять его и послѣ многихъ назидательныхъ бесѣдъ и наставленій, удостоилъ его ангельскаго образа, нарекиши вмѣсто Симеона — Симономъ. Это было въ 1610 году, когда уже Симу было 24 года отъ роду. Несказано радъ былъ Симонъ своему новому званію; всецѣло отрекшись отъ своей воли, онъ совершенно подчинилъ себя волѣ старца-руководителя и со всею ревностію и съ юношескимъ жаромъ предался иноческимъ подвигамъ, безропотно исполнялъ все тяжолыя монастырскія работы, замѣнялъ старшихъ и старался услужить каждому изъ братіи, непрестанно повторяя въ сердцѣ своемъ слова псалмопѣвца: *«всегда Господи смиреніе мое и трудъ мой и остави вся гнѣхи моя»* (Пс. XXIV, 18). Для большаго умерщвленія плоти онъ носилъ подъ одеждою на голымъ тѣлѣ жестокую и тяжелую власяницу. Черезъ нѣсколько времени игумень назначилъ ему определенное занятіе въ поварнѣ и пекарнѣ. Здѣсь въ молчаніи приготовляя пищу братіи и смотря на огонь въ печи, Симонъ представлялъ въ своемъ умѣ огонь геенскій ожидающій грешниковъ, и со слезами молилъ Матерь Божию избавить его отъ не-

го. Сколь ни утомительно и не трудно было возложенное на него послушаніе, такъ какъ онъ самъ долженъ былъ и дрова рубить и воду носить, онъ никогда не оставлялъ церковной службы, являлся къ ней порвымъ и выходилъ послѣднимъ. Постелью для него служила голая земля, когда утомленное тѣло его требовало отдохновенія, но часто онъ и того себѣ не позволялъ, проводя всю ночь въ бдѣніи и молитвѣ. Пища и питіе всегда были у него предъ глазами, но едва-ли кто въ обители употреблялъ ихъ рѣже и меньше его и болѣе его постился. Все это не утаилось отъ игумена и братіи, хотя преподобный и старался скрывать свои подвиги, однако всеобщая любовь и уваженіе къ нему стали съ каждымъ днемъ возрастать и умножаться болѣе и болѣе. Тяжело показалось смиренному подвижнику такое общее къ нему уваженіе и онъ, опасаясь, чтобы ради человѣческой славы не лишиться славы будущаго вѣка, началъ помышлять о томъ, какъ бы ему досигнуть совершеннаго безмолвія, чтобы въ уединеніи, невѣдомо для людей, работать единому Богу. Онъ повѣдалъ мысль свою игумену, прося его разсужденія и благословенія. Игуменъ Макарій, зная его высокую добродѣтель и готовя въ немъ преемника себѣ, жалѣлъ съ нимъ растаться, но не могъ не оцѣнить святости и чистоты его побужденій и препо-

давши наставленіе, съ миромъ отпустилъ его изъ обители, благословивши искать житія болѣе безполнаго и совершеннаго. Преподобный устремился къ Новгороду, славившемуся множествомъ воителей и святостию обитавшихъ тамъ иноковъ, но обойдя многія пустынные мѣста, Ладогу и Ковелу, не могъ найти себѣ мѣста по мысли и направилъ свой путь къ Москвѣ, желая извлечь себѣ душевную пользу изъ собесѣдованія съ подвижниками тамошнихъ монастырей. Но въ то время Москва была *градъ воюемый* и всего менѣе въ ней можно было найти и встрѣтить то, чего искалъ Симонъ, почему онъ скоро снова рѣшился удалиться къ сѣверу и посѣтивъ монастыри, находившіеся въ окрестностяхъ Вологды, рѣкою Сухоною отправился къ знакомому для него Устюгу. Плыва Сухоною, онъ вездѣ спрашивалъ, не знаетъ ли кто тайнаго пустыннаго мѣста, гдѣ бы онъ могъ поселиться и жить въ совершенномъ уединеніи? Одинъ крестьянинъ Антоній сказалъ ему, что есть такое мѣсто верстахъ въ двадцати отъ Сухоны по рѣчкѣ Кичменьгѣ, называемое Волмы, что оно со всѣхъ сторонъ окружено непроходимыми лѣсными чащами, мхами и болотами и что ближайшія къ нему селенія находятся съ одной стороны Стрѣленское въ 20, а съ другой — Сараевское, внизъ по той рѣчкѣ, въ 25 верст. отъ него. Преподобный

обрадовался этому как драгоценной находкѣ и сталъ просить Антонія довести его туда, на что тотъ и согласился. Они прибыли въ Устюгъ 8 іюля на праздникъ праведнаго Прокопія и, поклонившись св. мощамъ его, чрезъ нѣсколько дней отправились въ путь вверхъ по рѣкѣ Югу до селенія Кичменгскаго и по рѣкѣ Кичменьгѣ до деревни Сараевской и оттуда на Волмы. Трудно было найти мѣсто болѣе глухое и непроходимое, но оно понравилось Симону и походивъ по мѣсту, онъ остановился на берегу пустынной Кичменьги, и павши на землю, началъ со слезами молиться Богу и пречистой Его Матери, прося себѣ ихъ помощи и благословенія остаться тутъ и потрудиться для спасенія своей души. По окончаніи молитвы онъ сталъ рубить лѣсъ для построенія себѣ малой кельи, величиною въ сажень; это было 26 іюля 1613 года. Антоній пробылъ съ нимъ въ пустынѣ нѣсколько дней, предполагая можетъ быть, что у старца есть деньги и что они станутъ жить съ нимъ въ довольствѣ и спокойствіи, но когда увидаль, что принесенный имъ хлѣбъ уже выходитъ и что имъ предстоятъ тутъ всевозможныя лишенія и труды, не захотѣлъ долѣе оставаться въ пустынѣ и возвратился домой. Такимъ образомъ исполнилось давнишнее, задушевное, желаніе Симона работать Богу въ совершенномъ уединеніи и без-

олвіи. Но за то сколько предстояло ему преодолѣть трудностей и препятствій, сколько нужно было имѣть твердости духа и рѣшимости—остаться жить въ непроходимомъ и незнакомомъ ему лѣсу, вдали отъ человѣческихъ жилищъ, безъ всякихъ средствъ къ своему пропитанію, даже безъ надежды въ зимнее время, въ случаѣ необходимости, выйти изъ пустыни и добраться до жилыхъ мѣстъ. Однако избранникъ Божій не смутился и не палъ духомъ, а еще радовался своему одиночеству и уповая на промыслъ Божій, дающій пищу скотамъ и птицамъ враповымъ, призывающимъ Его (Исаи. СXLVI. 9), съ утра до вечера продолжалъ трудиться устроая свое жилище, рубя лѣсъ, чтобы очистить мѣсто и приготовить землю для посѣва хлѣба и овощей, вскапывая землю лопатою, за неимѣніемъ другихъ земледѣльческихъ орудій, и питаясь остатками принесеннаго имъ съ собою хлѣба, ягодами и другими произрастеніями земли. Раздѣливъ все свое время на трудъ и молитву, онъ, при наступленіи часа молитвы, тутъ же гдѣ работалъ, преклонялъ колѣна и со слезами молился Богу, ложился спать тамъ, гдѣ застигала его ночь, чтобы на другой день скорѣе приняться за работу. Только въ первый годъ своего пустынножительства на Волмахъ, побуждаемый необходимостію, онъ нѣсколько разъ выходилъ въ окрестныя села и ле-

ровни просить сѣмянъ для посѣва хлѣба и овощей и милостыни для пропитанія, а впослѣдствіи питался уже отъ плода рукъ своихъ—хлѣбомъ и овощами собственнаго посѣва, размалывая зерна на жерновахъ ¹⁾). Пять лѣтъ онъ провелъ на Волмахъ въ непрестанныхъ трудахъ и лишеніяхъ, никѣмъ не знаемый и не слыша въ своей пустынѣ даже голоса человѣческаго. Но сколь ни трудно и ни прискорбно было для него это время, какъ ни часто приводилось ему переносить голодь и жажду, холодъ и жаръ, едва ли оно не было лучшимъ, самымъ спокойнымъ въ его жизни, когда онъ, никѣмъ и ничѣмъ не возмущаемый, могъ всецѣло предаваться богомыслію, возрастать и укрѣпляться въ жизни духовной, прогоняя отъ себя невидимыхъ враговъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Когда же узнали о немъ окрестные жители, то кромѣ того, что своими посѣщеніями нарушали его безмолвіе, многіе изъ нихъ отнеслись враждебно къ его поселенію въ ихъ странѣ и старались его выжить изъ пустыни, нанося ему различныя оскорбленія и обиды, что пустынникъ все переносилъ великодушно, приписывая ихъ наущенію и злобѣ

¹⁾ Жернова были принесены преподобнымъ на себѣ изъ селенія Стрѣльны, находившейся въ 20 верстахъ отъ его кельи; они существуютъ и донынѣ и въ 1840 году при устроеніи ограды около мѣста убіенія преподобнаго, положены въ основаніе ея священникомъ Алексіемъ Кичановымъ.

іавола и стараясь своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ побѣдить ихъ грубость и жестокость. Впрочемъ были между ними и такіе, которые дивились трудамъ и терпѣнію пустынника и видѣли въ немъ человека Божія, они съ любовію слушали его душеспасительныя бесѣды и изъявляли желаніе поселиться съ нимъ. Онъ принималъ ихъ и просилъ помочь ему сколько нибудь очистить мѣсто, чтобы увеличить посѣвъ хлѣба для общаго ихъ пропитанія. Когда такихъ ревнителей благочестія собралось нѣсколько и они стали просить старца построить церковь и завести общежитіе, то онъ, склоняясь на ихъ просьбы, рѣшился отправиться въ Москву для полученія на то дозволенія и грамоты отъ государя. Это было уже въ царствованіе Михаила Феодоровича. Благочестивый царь, милостиво принявши угодника, удостоилъ его своей бесѣды и увидѣвши въ немъ истиннаго подвижника, далъ ему свою жалованную грамоту на просимую имъ ненаселенную землю и лѣсъ, по которой предоставлялось ему владѣть пространствомъ на 10-ть верстъ во все стороны отъ его кельи. Возвратившись изъ Москвы съ царскою грамотою, пр. Симонъ приложилъ труды къ трудамъ, чтобы очистить болѣе пространства и приготовить лѣсу на строеніе церкви, для этого онъ пригласилъ на помощь себѣ нѣсколько земледѣльцевъ изъ окрест-

ныхъ селеній; при его неуспынныхъ трудахъ церковь вскорѣ была построена, а также и прочія необходимыя для общежитія службы, причемъ по мощникомъ его былъ вѣкто Андрей—одинъ изъ числа поселившихся въ его пустынь. Но прежде нежели успѣли освятить церковь, пришли злые люди и сожгли ее. Въ одинъ день, когда, по совершении въ ней утренняго пѣнія и часовъ, пустынная братія садилась за столъ въ трапезѣ, вдругъ изъ церкви показались дымъ и пламя и хотя вся братія тотчасъ же бросилась тушить пожаръ, но уже ничего не могла сдѣлать. Поскорбѣлъ Симонъ о такомъ несчастіи, но не упалъ духомъ и сталъ строить новую; когда же она была окончена, отправился въ Ростовъ испросить у епархіальнаго начальства антиминосъ и благословеніе на ея освященіе. Ростовскій митрополитъ Варлаамъ не только благословилъ освятить церковь и далъ пустыннику все необходимое для того, но и самого возвелъ въ санъ священника и сдѣлалъ настоятелемъ новой обители 23 января 1620 года. Возвратившись на Волмы, усердный ревнитель крестнаго пути Христова и построенную имъ церковь освятилъ въ честь животворящаго креста Господня. Съ принятіемъ на себя сана священства, онъ предался еще большимъ подвигамъ, служа для своей пустынной братіи примѣромъ трудолюбія,

ротости и простоты сердечной, поста и молитвы. Но по мѣрѣ того, какъ онъ побѣждалъ и умерщвлялъ въ себѣ страсти, возрастала къ нему зависть и злоба его враговъ—крестьянъ одной окрестной деревни, гнѣвавшихся на то, что онъ владѣлъ землею и лѣсомъ на Волмахъ, хотя они никогда ими не пользовались. да и не могли имѣть въ нихъ никакой надобности.

Прошло уже около 20 лѣтъ съ того времени, какъ дана была преподобному царская грамота и устроена была на Волмахъ иноческая обитель, уже широко распространилась въ окрестности слава о подвигахъ пр. Симона, добрые люди радовались тому, что среди непроходимыхъ лѣсовъ и дебрей, гдѣ прежде были логовища дикихъ звѣрей, подвижутся трудники и прославляется имя Божіе, всѣ, бывшіе въ пустынь, не могли нахвалиться кротостію, душеполезными бесѣдами и отеческимъ радушіемъ старца-основателя обители, между тѣмъ какъ эти грубые и злые люди болѣе и болѣе злобились на него. Видя, что ни сожженіемъ церкви, ни другими многими оскорбленіями и обидами они не могли побѣдить терпѣніе старца и заставить его удалиться изъ ихъ страны, они рѣшились наконецъ отнять у него царскую грамоту, чтобы потомъ разрушить пустынь и прогнать его, какъ по-

одинокаго самовольно. Злодѣи стали искать удобалъ предъ иконою Божіей Матери, со слезами наго для сего случая. Однажды, когда пр. Симонъ являсь ей и поручая обитель Ея покрову и зарубилъ лѣсъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обите-ступленію, затѣмъ помолившись Господу Іисусу, ли, къ нему подошли три крестьянина, которые чтобы послалъ ангела мирна принять его душу, ласками и угрозами стали требовать у него цар-онъ причастился св. Таинъ и такимъ образомъ ской грамоты и схвативши его за волосы, поверг-приготовившись встрѣтить страшную смерть отъ ли на землю и навалили на него тяжелую колоду, руки своихъ мучителей, онъ небоязненно вышелъ угрожая ему смертію, если онъ не исполнитъ ихъ къ нимъ изъ церкви. «Теперь я готовъ, кротко требованія, такъ что старецъ едва упросилъ ихъ сказаль онъ имъ, дѣлайте со мною что хотите» . Какъ агнецъ среди волковъ стоялъ блаженный предъ убійцами, но ни ангельская его кротость и спокойствіе постническаго лица его, ни святодѣпныя сѣдины не тронули окаменѣвшихъ сердце злодѣевъ, — подобно дикимъ звѣрямъ они бросились на блаженнаго, осыпая его ругательствами и ударами; невозможно описать всего того, что вытерпѣлъ отъ нихъ страдалецъ. «Много мучиша, наругаюшеся ему и ножи разбодона св, тѣло его и наконецъ отсѣкоша честную главу его и повергоша тѣло близъ его кельи. Скончался пр «Симонъ въ лѣто 1641 мѣсяца іюля въ 12 день, тѣло же его лежаше на земли многи дни никѣмъ же вредимо ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ и на сѣкомыхъ, ни отъ скота тамо живущаго, кровь же истекшая изъ св. тѣла его, сядеса яко камень», говоритъ древній писатель его житія Страшное зрѣлище представилось братіи, когда они возвра-

одинокаго самовольно. Злодѣи стали искать удобалъ предъ иконою Божіей Матери, со слезами наго для сего случая. Однажды, когда пр. Симонъ являсь ей и поручая обитель Ея покрову и зарубилъ лѣсъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обите-ступленію, затѣмъ помолившись Господу Іисусу, ли, къ нему подошли три крестьянина, которые чтобы послалъ ангела мирна принять его душу, ласками и угрозами стали требовать у него цар-онъ причастился св. Таинъ и такимъ образомъ ской грамоты и схвативши его за волосы, поверг-приготовившись встрѣтить страшную смерть отъ ли на землю и навалили на него тяжелую колоду, руки своихъ мучителей, онъ небоязненно вышелъ угрожая ему смертію, если онъ не исполнитъ ихъ къ нимъ изъ церкви. «Теперь я готовъ, кротко требованія, такъ что старецъ едва упросилъ ихъ сказаль онъ имъ, дѣлайте со мною что хотите» . Какъ агнецъ среди волковъ стоялъ блаженный предъ убійцами, но ни ангельская его кротость и спокойствіе постническаго лица его, ни святодѣпныя сѣдины не тронули окаменѣвшихъ сердце злодѣевъ, — подобно дикимъ звѣрямъ они бросились на блаженнаго, осыпая его ругательствами и ударами; невозможно описать всего того, что вытерпѣлъ отъ нихъ страдалецъ. «Много мучиша, наругаюшеся ему и ножи разбодона св, тѣло его и наконецъ отсѣкоша честную главу его и повергоша тѣло близъ его кельи. Скончался пр «Симонъ въ лѣто 1641 мѣсяца іюля въ 12 день, тѣло же его лежаше на земли многи дни никѣмъ же вредимо ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ и на сѣкомыхъ, ни отъ скота тамо живущаго, кровь же истекшая изъ св. тѣла его, сядеса яко камень», говоритъ древній писатель его житія Страшное зрѣлище представилось братіи, когда они возвра-

тились изъ Устюга, вопль, стоны и рыданія огласили пустынную обитель. Сколько они теперь раскаивались о своемъ путешествіи въ Устюгъ, сколько жалѣли о томъ, что оставили пр. старца одного въ обители, зная къ нему зависть и злобу крестьянъ, незадолго передъ тѣмъ едва его не убившихъ. Горькими слезами омочили они опаленное, изъязвленное и обезглавленное его тѣло, и съ благоговѣніемъ поднявши его съ земли, на раменахъ своихъ внесли въ церковь. Въ тотъ же день одинъ изъ братіи снова отправился въ Устюгъ, чтобы вызвать изъ Архангельскаго монастыря іеромонаха для погребенія тѣла блаженнаго страдальца, такъ какъ въ то время въ пустынѣ не было другаго іеромонаха, кромѣ блаженнаго Симона. Іеромонахъ Ефремъ, вызванный изъ Архангельскаго монастыря, при всеобщемъ плачѣ и рыданіи совершилъ съ великою честію надгробное пѣніе и похоронилъ пр. мученика по лѣвую сторону построенной имъ церкви. Пр. Симону было 55 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, когда онъ принялъ мученическую свою кончину, но онъ былъ уже сѣдъ и казался гораздо старѣе отъ постоянныхъ, чрезмѣрныхъ трудовъ и лишеній.

Убийцы пр. Симона, ослѣпленные завистію и злобою, думали, что со смертію его разрушится и основанная имъ Крестовоздвиженская Воломская оби-

ель, а мѣсто ея достанется имъ; но они жестоко обманулись въ своей надеждѣ. Скоро Господь прославилъ своего угодника, гробъ его сдѣлался источникомъ благодатныхъ чудесъ и исцѣленій и сталъ привлекать отовсюду множество богомольцевъ, такъ что и самая обитель стала болѣе приходить въ извѣстность и настолько устроилась, что къ роковому 1764 году въ ней было уже достаточное количество крестьянъ (71 душа). Даже на томъ мѣстѣ, гдѣ была отсѣчена глава преподобнаго и неповинная кровь обогригла землю, вскорѣ выросла высокая, кудрявая береза, широко осѣнивъ его своими вѣтвями и служа нерукотворнымъ памятникомъ страдальческой его жизни.

Изъ рукописнаго житія пр. Симона видно, что уже въ мартѣ 1646 года женщина Марія, долгое время страдавшая глазами, слыша отъ многихъ о чудесахъ преподобнаго, обѣщалась идти къ нему на поклоненіе; когда она приложилась къ его гробу и отерла лице свое покрываломъ отъ гробницы, то тотчасъ же получила исцѣленіе; что въ 1648 году была уже написана икона святаго, пядница, старцемъ архангельскаго монастыря Исаіею Гольцевымъ, то надобно полагать, что чудеса и исцѣленія отъ мощей преподобнаго начались еще раньше, вскорѣ послѣ мученической его кончины.

Первоначально надъ мощами преподобнаго была построена (въ 1646 г.) зырянномъ Агапитомъ — щаніе сходитъ на поклоненіе къ его гробу, то съ два раза получившимъ исцѣленіе отъ преподобнаго — часовня, но въ началѣ XVIII в. она была уже замѣнена церковію. Нынѣ мощи преподобнученика Симона почиваютъ въ приходской каменной Крестовоздвиженской Воломской церкви подъ спудомъ. Надъ ними устроена благолѣпная рака съ изображеніемъ на верхней доскѣ ея св. преподобнученика, написаннаго въ Устюгѣ въ 1680 году живописцемъ Михаиломъ Григорьевымъ Чистымъ — хорошо знавшимъ и помнившимъ пр. Симона; образъ писанъ по усердію и желанію гражданъ и окрестныхъ жителей, а въ 1840 году и мѣсто убіенія пр. Симона обнесено приличною оградой. Память пр. Симона совершается въ день его убіенія 12-го іюля; служба ему составлена во второй половинѣ XVII вѣка, когда началось его почитаніе. Въ древнемъ рукописномъ житіи святаго записано 26 чудесъ, совершившихся при его гробѣ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Священникъ Бобровскаго яму, Христорождественской церкви Косма Молоковъ болѣе 10 недѣль не могъ выйти изъ дому, страдая ногами. Не получая пользы отъ лѣкарствъ, онъ обратился съ молитвою къ преподобнученику Симону, прося

о своемъ исцѣленіи; когда онъ положилъ обѣщаніе сходитъ на поклоненіе къ его гробу, то съ два раза получившимъ исцѣленіе отъ преподобнаго — часовня, но въ началѣ XVIII в. она была уже замѣнена церковію. Нынѣ мощи преподобнученика Симона почиваютъ въ приходской каменной Крестовоздвиженской Воломской церкви подъ спудомъ. Надъ ними устроена благолѣпная рака съ изображеніемъ на верхней доскѣ ея св. преподобнученика, написаннаго въ Устюгѣ въ 1680 году живописцемъ Михаиломъ Григорьевымъ Чистымъ — хорошо знавшимъ и помнившимъ пр. Симона; образъ писанъ по усердію и желанію гражданъ и окрестныхъ жителей, а въ 1840 году и мѣсто убіенія пр. Симона обнесено приличною оградой. Память пр. Симона совершается въ день его убіенія 12-го іюля; служба ему составлена во второй половинѣ XVII вѣка, когда началось его почитаніе. Въ древнемъ рукописномъ житіи святаго записано 26 чудесъ, совершившихся при его гробѣ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Но будучи занятъ отправленіемъ богослуженія и приходскихъ требъ, онъ началъ отлагать исполненіе своего обѣщанія со дня на день до болѣе свободнаго времени, пока его снова не постигла та же болѣзнь сильнѣе прежняго, такъ что онъ не могъ не только ходить, но и двинуться съ мѣста и всѣ составы тѣла его разслабли. Тогда онъ почувствовалъ свое согрѣшеніе противъ преподобнаго и когда началъ со злезами просить у него прошенія, снова обѣщаясь немедленно пѣшкомъ идти въ пустыню Воломскую, какъ скоро получитъ исцѣленіе, то опять скоро выздоровѣлъ и исполнилъ обѣтъ свой.

Монастырскій скоть въ Воломской пустынѣ всегда ходилъ безъ пастуха и къ вечеру самъ возвращался изъ лѣсу. Но 25 іюня 1673 года скоть, выпущенный по утру, не возвратился вечеромъ, и какъ время было рабочее, монахи и послушники были на пашнѣ до самой ночи и весьма устали, то и не пошли искать его, надѣясь, что онъ и самъ придетъ на другой день. Однако на другой и на третій день скоть не возвращался, да и найти его

нигдѣ не могли, хотя обходили всѣ мѣста около обители. Братія весьма опечалилась, полагая, что онъ истребленъ звѣрями; нѣкоторые даже плакали, потому что наступалъ праздникъ св апостоловъ Петра и Павла, а у нихъ и разговѣться было нечѣмъ. На Петровъ день отпѣвши вечерню, унылые и печальные они стояли на церковномъ крыльцѣ собираясь идти за постную трапезу, какъ вдругъ услышали необыкновенный шумъ и топотъ съ той стороны, гдѣ находился скотный дворъ, и увидѣли, что стадо ихъ стремглавъ мчится къ нему, а огромный медвѣдь съ ревомъ бѣжитъ за нимъ бросаясь то въ ту, то въ другую, сторону, не позволяя чрезъ то скоту разбѣгаться по сторонамъ и какъ пастухъ сганивалъ ихъ въ одно мѣсто. Всѣ видѣли, что медвѣдь вбѣжалъ за скотомъ на скотный дворъ, и слышали ревъ его, но вдругъ его не стало. Бросились посмотреть на скотъ, не ранены ли онъ звѣремъ, но скотъ оказался цѣлымъ и здоровымъ; стали искать слѣдовъ звѣря, но ничего не могли найти, хотя они должны были непременно остаться на топкой и сырой зѣмлѣ.

У Артемія, крестьянина Сараевской волости, заболѣлъ сынъ—младенецъ Евтихій. Жена Артемія Енистимія, видя, что сыну ея съ каждымъ днемъ дѣлается все хуже и хуже, дала обѣщаніе сходить

съ нимъ въ Воломскую пустыню помолиться у гроба преподобнаго, но болѣзнь продолжала усиливаться и наконецъ младенецъ померъ и уже сутки лежалъ мертвымъ на своей постелькѣ. Енистимія, приготовляла необходимое для его погребенія, въ горести сердца начала упрекать и поносить преп. Симона, отъ печали, горя и слезъ обезумевшая женщина восклицала: «вотъ! съ кѣмъ я обѣщалась «и хотѣла идти на поклоненіе твоему гробу, того «самаго кладу въ гробъ и хочу везти на погостъ «для погребенія» — и въ другъ младенецъ внезапно ожилъ и заплакалъ къ величайшему удивленію всѣхъ тутъ находившихся и къ неописанной радости матери. Чрезъ нѣсколько дней, пришедши съ младенцемъ въ Воломскую пустыню и со слезами припадая ко гробу преподобнаго, Енистимія горячо благодарила его за сына и просила прощенія въ томъ, что будучи въ горести дерзнула упрекать и поносить угодника Божія.

Тимоей Яковлевъ Поповъ, дьячекъ Тотемскаго уѣзда Уфтюжекой волости, долго былъ нездоровъ головою и отъ этой болѣзни совершенно ослѣпъ, такъ что болѣе полутора года не зналъ когда день, когда ночь. Уволенный по этой причинѣ отъ должности, онъ вынужденъ былъ ходить по міру, Христа ради прося себѣ пропитанія. Услышавъ о чу-

десахъ, совершающихся при гробѣ пр. Симона, онъ обратился къ нему съ молитвою, обѣщаясь сходить въ Воломскую пустыню поклониться его гробу, тотчасъ же какъ чешуя какая отпала съ глазъ его и онъ сталъ видѣть все ясно, какъ буд-то и не былъ никогда боленъ.

У Устюжскаго мѣщанина Θεодора Трофимова Рыкова и жены его Агринины много было дѣтей но все они умирали въ младенчествѣ. По этому мужъ и жена обѣщались если еще у нихъ родится сынъ — назвать его Симономъ, чтобы святой преподобномученикъ былъ ему хранителемъ и покровителемъ, но когда у нихъ дѣйствительно родился сынъ, они назвали его Іоанномъ и младенецъ, проживши четыре года, померъ, какъ и прежнія ихъ дѣти. Въ десятый годъ по рожденіи послѣдняго младенца Агрипина еще сдѣлалась несправною и однажды ночью во снѣ ей явился пр. Симонъ и съ упрекомъ сказалъ: «почто обѣщавшись нарѣчь покойному своему сыну имя Симонъ, не нарѣкли? Назовите хоть этого Симономъ, ибо въ утробѣ у тебя младенецъ мужеска пола. Если назовете его Симономъ, то увидите его взрослымъ и онъ прокормитъ васъ до смерти». Когда настало время, Агрипина дѣйствительно родила мальчика и нарекла его Симономъ, при этомъ мужъ и жена

или обѣтъ, чтобы ихъ сынъ ежегодно ходилъ на поклоненіе гробу своего ангела въ день его являти, что онъ постоянно и исполнялъ. Когда же онъ, уже по смерти родителей занявшись торговлею не исполнилъ ихъ завѣта и не сходилъ поклониться гробу своего покровителя, то вскорѣ его постигла болѣзнь столь тяжкая, что едва отъ нея не умеръ. Находясь при смерти, началъ онъ каяться и просить прощенія у преподобнаго въ своемъ прегрѣшеніи противъ него, обѣщаясь впредь всегда свято исполнять завѣщаніе родителей. По молитвамъ святаго онъ скоро выздоровѣлъ и когда у него родился сынъ, онъ далъ ему имя Симонъ въ честь угодника Божія и своего покровителя.

Послѣ того, какъ Воломская пустыня была открыта и Крестовоздвиженская церковь обращена въ приходскую, былъ при ней священникъ Антипа. Ему пришло на мысль посмотрѣть тайно мощи преподобномученика, для этого онъ призвалъ къ себѣ пономаря Θεодора Шопова и двухъ земледѣльцевъ Тимоося Сырникова и Ивана Красикова и уговорился съ ними, какъ удобнѣе это сдѣлать. Они положили цѣлую недѣлю поститься, молиться Богу и просить св. преподобномученика, чтобы онъ сподобилъ ихъ видѣть св. его мощи. По проше-

ствѣи подѣли, вечеромъ, по захожденіи солнца, они тайно собрались въ церковь и снявши сѣнь и гробницу, стали лопатами копать землю. Не успѣли они докопаться еще и до половины глубины могилы, какъ вдругъ что-то зашумѣло и показалась вода, которая начала кипѣть какъ въ котлѣ и подниматься къ верху. Видя это, любопытствующіе едва пришли въ себя отъ страха и тотчасъ же начали засыпать могилу святаго землею, гробницу и сѣнь поставили на прежнее мѣсто и разошлись по домамъ, не смѣя сказать никому о случившемся. Уже спустя много лѣтъ пономарь Ѳедоръ повѣдалъ о томъ писателю чудесъ преподобнаго, приводя Бога въ свидѣтели истины

По преданію, сохранившемуся донинѣ, убійцами преподобнаго Симона были крестьяне Толстиковы, изъ ближайшей къ монастырю деревни Овсянникова, находящейся на берегу рѣки Кичменьги.

